

Константин Черкасов

Трава над бетоном

Константин Черкасов

Трава над бетоном

<https://litres.ru/74307248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир 2200 года. Человечество добровольно отдало себя системе, обещавшей вечную молодость и красоту. Дети не учат физику — они выбирают помаду. Люди рождаются в пробирках и в тридцать пять лет добровольно уходят на эвтаназию с улыбкой на лице.

Но в забытой деревушке рождается мальчик. Естественным путём. Семья погибает от рук карательного отряда, а ребёнка спасает враг, который становится ему отцом. Элиан вырастает воином, собирает армию изгоев и идёт разрушать систему.

«Трава над бетоном» — это история о надежде, пробивающейся сквозь руины. О том, что даже в бездушном мире остаётся место для любви. И о том, что выбор всегда есть — даже когда кажется, что его нет. Человек может стать рабом по доброй воле. Но свобода требует смелости: думать, чувствовать и нести ответственность за каждое решение.

Каждый цветок, проросший сквозь бетон, — это обещание новой жизни. Но что мы выбираем: смотреть на него или вырывать с корнем?

Константин Черкасов

Трава над бетоном

Предисловие от автора

Беру в руки старый блокнот, найденный на чердаке, и удивляюсь. Бумага пожелтела, но чернила ещё держатся, и почерк — мой собственный, двадцатилетней давности — выглядит как письмо от того человека, который уже умер, но ещё не знал об этом. Пальцы помнят холодок обложки, но разум отказывается верить, что эти строки писал я. Двадцать лет назад я полагал, что мир меняется к лучшему. Сегодня я знаю: он меняется к самому удобному. Удобному для тех, кто хочет управлять стадом, которое само выбрало быть стадом.

Простите, я отвлёкся.

Когда я задумал эту книгу, я не собирался учить кого-то жить. У меня нет такой дерзости. Всё, что здесь написано — только моё субъективное мнение, сгусток тревоги, который накопился за годы наблюдений. Я не пророк, я просто ночной сторож, который смотрит в тёмное окно и видит, как гаснут огни. Эта книга — не предсказание, а предупреждение. Или, если угодно, крик человека, которому надоело смотреть на то, как дети перестают задавать вопросы, а взрослые перестают искать ответы.

Я родился в конце двадцатого века, когда ещё существовало понятие "образование". Когда в школе не учили, как ку-

пить джинсы, а учили, как устроен атом, как движутся звёзды, как разговаривал Шекспир и почему Бах плакал над своими нотами. Мне повезло: я застал последнее поколение людей, которые могли нарисовать карту мира по памяти или прочитать "Войну и мир" не для галочки. Мы были странными, мы таскали тяжёлые книги в ранцах, мы спорили о том, существует ли Бог, и мы умели складывать в уме трёхзначные числа, потому что это было уважением к собственному мозгу.

Теперь я смотрю на экраны. Везде экраны. В руках, на стенах, в глазах. Они светятся ровным голубоватым светом, который врачи называют безопасным для сетчатки и смертельным для души. Дети больше не копаются в земле. Они не знают, как пахнет мокрая кора. Они не умеют сидеть тихо и слушать дождь. Зато они умеют проводить пальцем по стеклу и получать то, что хотят, за две секунды. Им не нужно ждать. Им не нужно думать. Им не нужно знать, как это сделано.

Я вижу, как исчезает физика. Не как школьный предмет — как способ понимания мира. Дети не знают, почему падают яблоки, но знают, как выглядит самая дорогая модель телефона. Они не знают, сколько будет семь умножить на восемь, но отлично знают, какие бренды носят их кумиры. И я понимаю: это не случайность. За этим стоит система, которая не хочет, чтобы человек думал. Потому что думающий человек — опасный человек. Он начинает задавать вопро-

сы. Откуда я? Куда иду? Зачем мне это? А на эти вопросы у системы нет ответов. Есть только инструкция: покупай, потребляй, улыбайся, и ты будешь счастлив.

Но счастье ли это?

Я смотрел, как мои студенты — да, я учитель, и это лучшая профессия в мире — за три года превращались из любопытных существ, способных удивиться звёздной ночи, в потребителей. Им больше не нужны были звёзды. Им нужен был ярлык. Имя. Статус. Они хотели, чтобы их любили, но не знали как. Они хотели быть уникальными, но стремились быть такими же, как все. Парадокс, который убивает изнутри.

Книга, которую вы держите в руках (или читаете на том же светящемся экране) — это гипербола. Я сознательно сгустил краски. Я создал мир, в котором процесс деградации ускорен в сто раз, чтобы вы, уважаемый читатель, могли увидеть его очертания яснее. Я хочу, чтобы вы испугались не за героев. Я хочу, чтобы вы испугались за себя, когда поймёте, что многие линии из этой книги уже прочерчены в реальности.

Потому что, если задуматься: не учим ли мы уже детей тому, чтобы покупать, а не творить? Не заменили ли мы уроки химии уроками "как выглядеть привлекательно"? Не превратились ли университеты в фабрики по производству дипломов, а библиотеки — в места для селфи? И разве не стал самым страшным грехом в нашем мире — быть скучным, а не быть глупым?

Я не хочу, чтобы вы воспринимали эту книгу как агитку. Боже упаси. Она написана от боли, но не от злости. Я не против прогресса. Я не против технологий. Я против того, чтобы технологии становились религией, а человек — её рабом. Я против того, чтобы обучение заменяли дрессировкой. Чтобы любовь заменяли контрактом. Чтобы жизнь — эвтаназией по расписанию.

Мир катится туда, где красота становится единственной ценностью. Но я знаю: красивое без смысла — это мёртвое. Молодое без мудрости — это пустое. И когда я слышу, как молодые люди говорят "мне не нужно это знать, мне это не пригодится", я слышу их похоронный звон. Потому что это — не им не пригодится. Это им не дадут применить.

Но, возможно, я ошибаюсь. Возможно, всё не так страшно. Возможно, я просто старый учитель, который слишком долго смотрел на школьную доску и теперь видит весь мир через неё. У меня нет истины в последней инстанции. Есть только память. Память о том, каким был мир, когда любопытство ценилось больше, чем лайк, и когда ребёнок мог спросить "почему небо синее" и получить в ответ рассказ о рассеянии света, а не ссылку на магазин с цветными линзами.

Я написал эту книгу потому, что боялся. Боялся, что однажды мы проснёмся и не вспомним, зачем мы здесь. Боялся, что мои внуки (если у меня будут внуки, если в этом мире ещё разрешат рожать) не узнают, кто такой Архимед, но

будут знать наизусть рекламные слоганы. Боялся, что самое страшное наказание для человека будущего будет не тюрьма, а запрет на покупки.

Эта история вымышлена. Но зерна её — реальные. Я не верю, что мы доживём до 2200 года в таком виде. Я верю, что люди одумаются. Что где-то в подвалах, в деревнях, в тихих комнатах всё ещё сидят дети, которые задают вопросы. Которые видят звёзды. Которые хотят знать, а не владеть. Это моя надежда, и я держусь за неё, как за соломинку, потому что без надежды писать невозможно.

Так что читайте эту книгу как крик или как песню. Как вам угодно. Это субъективная карта мира, нарисованная моей рукой. Вы можете не соглашаться. Вы можете смеяться. Вы можете закрыть её на пятой странице и забыть. Но если однажды вы увидите мальчика, который смотрит на муравьёв, а не в экран, и думает: "А куда они бегут?" — знайте: мир ещё не кончился.

А кончится ли он вообще — зависит не от меня. И не от героев этой книги. Зависит от вас, читатель, и от того, что вы выберете: смотреть, или видеть; покупать, или создавать; жить до срока, или жить вечно.

Выбор есть всегда. Даже когда кажется, что его нет.

Именно об этом я написал.

Глава 1. Воздух над Убежищем-9

Стеклянный купол рассыпался в лучах утреннего солнца,

оставляя на стенах тонкие радужные разводы. Прошлогодние дожди вымыли из щелей всю соль, и пластик блестел теперь прозрачной, живой поверхностью, сквозь которую просвечивали контуры старой мебели и висячих садов. Убежище-9 лежало на дне кратера, образовавшегося тысячу лет назад от падения метеорита, и этот кратер стал колыбелью для тех, кто не хотел знать других колыбелей.

Дом Грегора и Лиссы стоял на самом краю деревни, там, где пластиковые стены переходили в живую изгородь из дикого шиповника. Шиповник цвёл неистово, розовыми пятнами, пахнувшими горьковатым миндалём, и за этой стеной почти не было видно дома. Почти — потому что из-за кустов всё же торчала антенна, старая, ржавая, которую Грегор когда-то нашёл на свалке и приладил для приёма сигналов из Большого Мира. Сигналы никто не ловил — антенна давно сломалась, но Грегор не снимал её. Говорил, что это напоминание.

Грегор был высок, сутул, с длинными руками, которые никогда не находили покоя. Пальцы вечно крутили какую-то железку, чинили, соединяли, разбирали на части, словно пытались понять устройство всего мира через его механизмы. В молодости Грегор работал в Городе, в сердцевине той машины, которую люди называли цивилизацией. Потом увидел что-то, чего не должен был видеть — и сбежал. Сбежал в кратер, к дикому шиповнику, к женщине с руками, пахнувшими хлебом, и к ребёнку, который ещё не знал своего име-

ни.

Ребёнок сидел на корточках у порога и смотрел на жука-рогача, ползущего по мокрому после росы камню. Жук был чёрный, с бронзовым отливом на спинке, и тащил за собой веточку, втрое длиннее собственного тела. Мальчику было почти шесть, и он ещё не знал, что такое скука. Каждая минута приносила открытие: как движется тень по стене, как меняет цвет небо перед грозой, как пахнет земля после того, как мать поливает грядки. Эти знания были важнее всех книг, которые когда-нибудь попадались в руки.

Лисса вышла из дома с глиняным горшком, полным свежего молока. На ней было платье, сшитое из старой парусины, когда-то серое, а теперь выцветшее до молочной белизны. Волосы, собранные в узел на затылке, рассыпались от ветра, и несколько прядей упали на лицо, осунувшееся, с тонкой сеткой морщин вокруг глаз. Сорок два года жизни, но казалось, что Лисса прожила в два раза больше — каждая морщина была следом от бессонной ночи или от тяжёлой мысли. Однако руки её остались молодыми. Быстрыми. Умелыми.

— Элиан, — позвала она, но мальчик не обернулся.

Имя ему дали только неделю назад, когда он, выдержав обряд молчания, назвал своё первое слово. Элиан — от старого слова «элизиум», что означало место блаженных. Грегор настоял. Говорил, что мальчик должен носить имя, которое будет напоминать о том, что есть места за пределами

этого кратера.

— Элиан, иди завтракать. Остынет.

Мальчик поднял голову. Глаза — янтарные, с золотыми искрами, какие бывают у старых монет, найденных в земле. Волосы цвета спелой пшеницы, спутанные ветром, падали на лоб. Он сдул их, как делал всегда, и улыбнулся той улыбкой, от которой у Лиссы сжималось сердце.

— Мам, жук несёт ветку в дом. Зачем?

— Чтобы построить себе гнездо. Или чтобы спрятаться. Жуки не любят, когда их видят.

— А я люблю, когда меня видят?

Лисса замерла. Вопрос повис в утреннем воздухе, прозрачный и острый, как осколок стекла. Она посмотрела на мужа, который возился у генератора за домом. Грегор выпрямился, вытирая руки о штаны, и встретил её взгляд. В его серых глазах мелькнула тревога, но голос остался ровным.

— Ты, сын, всегда будешь тем, кого видят. Даже когда прячешься. Запомни это.

Элиан нахмурился, но переспрашивать не стал. Он знал, что родители говорят странные вещи. Иногда они переглядывались так, что воздух между ними становился плотным, как кисель. Иногда ночью слышались шёпоты, и мать плакала, прижимая к груди старую вышивку с подсолнухом.

Завтрак прошёл в тишине. На столе — хлеб, испечённый на древесных углях, масло, сбитое вручную, и травяной чай, от которого на языке оставалась горчинка. Ели медленно,

как будто каждый кусок мог оказаться последним. Грегор иногда поглядывал на небо сквозь щель в ставне, но ничего не говорил.

После завтрака Элиан вышел в сад. Сад был большим, запущенным, с яблонями, грушами и кустами крыжовника. Ветви сплелись в зелёный тоннель, в конце которого стояла старая скамья, сколоченная из досок, привезённых с Городской свалки. На этой скамье Элиан проводил часы, глядя на то, как ветер гонит облака над кратером. Облака были единственными обитателями неба, которых не боялись родители. Всё остальное — серебристые точки, мерцающие на огромной высоте, — заставляло Грегора хмуриться, а Лиссу — быстрее закрывать ставни.

Сегодня облаков почти не было. Небо стояло синее, глубокое, с едва заметной дымкой у горизонта. Элиан смотрел вверх и думал о том, что находится за краем кратера. Там, говорил отец, есть Город. Город, где люди не сажают садов, не пекут хлеба и не знают имён. Город, где каждый носит на шее металлическую пластину с числом. Это число называется сроком. Когда срок кончается, человек уходит. Добровольно. Красиво. Как закат.

Элиан не понимал, как можно уйти добровольно. Вчера он нашёл в лесу умирающую птицу — маленькую, с перебитым крылом. Птица дрожала и смотрела чёрными бусинками глаз, и Элиан сидел рядом с ней целый час, пока она не перестала дышать. Он не мог понять, зачем птица согласилась

умереть. Она не соглашалась. Она просто не могла лететь.

— Элиан!

Голос матери звучал тревожно. Мальчик обернулся. Лисса стояла на крыльце, прижимая руку к груди. Ветер трепал её платье, делая фигуру тонкой и острой, как лезвие.

— Иди домой. Сейчас же.

— Но мам...

— Быстро!

Элиан побежал, спотыкаясь о корни. За спиной, в небе, что-то изменилось. Раньше там были только синева и облака. Теперь появилась тень. Круглая, правильная, слишком большая для птицы. Она медленно плыла над деревней, и от неё исходил низкий гул, от которого у Элиана заложило уши.

Грегор выскочил из пристройки, держа в руках топор. Лицо его было бледным, но движения — точными, как у часового механизма.

— В дом! — крикнул он. — Лисса, закрой ставни. И не выходи, что бы ни случилось.

— Грегор, это...

— Я знаю, что это. Делай, что говорю.

Элиан влетел в дом, и мать захлопнула за ним дверь. Ставни со стуком закрылись, погружая комнату в полумрак. Сквозь щели пробивались тонкие полоски света, в которых плясали пылинки. Элиан прижался к стене и смотрел на мать. Лисса стояла у окна, сжав кулаки так, что кости побелели. Губы её шевелились, но слов не было слышно.

Снаружи гул нарастал. Что-то тяжёлое опускалось на землю — ветер ударил в стены, и дом задрожал, заскрипел всеми швами. Потом наступила тишина. Такая глубокая, что Элиан слышал, как бьётся его собственное сердце в груди.

А потом зазвучали голоса. Не человеческие. Слишком ровные, слишком гладкие, как будто говорили не люди, а машины, которым дали задание произнести слова.

— Граждане Убежища-9. По приказу Центрального Правительства производится проверка на наличие биологического материала, не соответствующего нормативам репродукции. Просьба не покидать жилищ. В случае обнаружения нарушений — немедленная эвакуация.

Голос стих, но гул остался. Где-то за стеной плакал ребёнок — соседский, маленький, с тонким, надрывным плачем, от которого у Элиана сжалось горло.

Мать подошла к нему, села на корточки, взяла его лицо в ладони. Ладони пахли хлебом и страхом.

— Слушай меня, — сказала она шёпотом. — Ты должен молчать. Что бы ни произошло, ты не издаёшь ни звука. Ты понял?

— А папа?

— Папа... папа будет снаружи. Он не пустит их в дом.

— Но они же сказали...

— Они много что говорят. Но ты не слушаешь их. Ты слушаешь только нас. Только меня и отца. Это понятно?

Элиан кивнул. В горле стоял ком, который мешал дышать.

Мать обняла его, прижала к себе, и на миг Элиан почувствовал себя в безопасности — в тёплом, пахнущем мятой коко-не, где нет голосов и гула.

Но тишина длилась недолго. С улицы раздался крик — мужской, хриплый, переходящий в визг. Потом звук, похожий на удар мокрой тряпки о стену. Потом ещё один крик, женский. И плач. Много плача.

Лисса поднялась. Лицо её стало белым, как мука, из которой она месила хлеб утром. Она подошла к двери и открыла её на щелочку. Снаружи пробивался свет — не солнечный, а холодный, серебристый, от которого кожа покрывалась мурашками.

— Элиан, — сказала она, не оборачиваясь. — Спрячься в подпол. Сейчас же.

— Но мам...

— Сейчас!

Голос сорвался на крик, и Элиан впервые услышал в нём что-то, чего раньше не было. Отчаяние. Чистое, незамутнённое отчаяние, которое не оставляет места надежде.

Он юркнул в люк под столом, и мать захлопнула крышку. В подполе пахло землёй и гнилыми яблоками. Темнота обступила со всех сторон, плотная, вязкая. Сквозь щели в полу было видно, как по комнате пробегают серебристые тени.

Потом дверь открылась.

Элиан не видел, что происходило наверху, но слышал всё. Голоса — ровные, металлические — задавали вопросы.

Мать отвечала, и голос её дрожал, но слова были твёрдыми.

— Где ребёнок?

— Какой ребёнок? У нас нет ребёнка.

— Ложь. Биологические маркеры зафиксированы. Где он?

— Я не знаю, о чём вы говорите.

— Вы нарушили Закон о Репродукции. Естественное рождение запрещено. Это преступление против Красоты.

— Красоты? — мать засмеялась, и смех этот был страшным, рваным, как горло, перерезанное стеклом. — Вы называете это красотой? Вы убиваете всё живое...

Звук был резким, влажным, и Элиан понял, что больше не слышит голоса матери. Только глухой стук, с которым что-то тяжёлое упало на пол.

— Дом очищен. Следующий объект.

Серебристые тени исчезли, и наступила тишина. Элиан лежал в темноте, в запахе гнилых яблок, и не мог пошевелиться. Дыхание застряло в груди, слёзы текли по щекам, но он не плакал. Он помнил, что мать сказала: молчать. Он молчал.

Прошло много времени. Может быть, час. Может быть, день. Элиан не знал. Он только слышал, как за стеной кто-то ходит — тяжёлые, размеренные шаги. Один человек. Не машина.

Крышка люка открылась, и вниз упал луч света. Элиан зажмурился, прикрывая глаза рукой. Над ним стоял мужчи-

на — высокий, в чёрном комбинезоне, без серебристой брони. Лицо его было изрезано шрамами, один глаз слезился, но взгляд был твёрдым.

— Выходи, — сказал мужчина. — Я не трону тебя.

Элиан не двинулся.

— Выходи, мальчик. Твои родители мертвы. Если хочешь выжить, иди за мной.

Элиан выбрался из подпола. Комната была залита кровью — тёмной, почти чёрной на свету. Мать лежала у двери, лицом вниз, и её рука всё ещё тянулась к порогу, будто она хотела закрыть его собой. Отца не было видно.

— Где папа? — спросил Элиан, и голос его прозвучал чужим, тонким, как у старого человека.

— Он убил троих. Хороший бой. Твой отец был воином.

Мужчина протянул руку. На ладони блестел пот, смешанный с кровью.

— Меня зовут Каин. Я командир карательного отряда. Теперь я твой отец. Если хочешь жить — иди за мной и не оборачивайся.

Элиан посмотрел на тело матери, на вышитый подсолнух на её переднике, пропитанный кровью, и не заплакал. Он сделал шаг вперёд, взял руку Каина, и они вышли из дома, оставив позади запах хлеба, мяты и смерти.

Снаружи горел кратер. Деревня умирала в огне, но Элиан не обернулся. Он знал, что смотреть назад нельзя.

Он запомнит всё. Каждый запах, каждое слово. Особенно

те, что не говорят вслух.

Глава 2. Город без теней

Гравилёт нёсся над равниной на высоте, где воздух становился разреженным, и уши закладывало от перепада давления. Элиан сидел в углу транспортной капсулы, вжавшись спиной в холодную пластиковую стену, и смотрел на проплывающий внизу мир. Стекло было тонированным, но сквозь синеватую плёнку проступали очертания земли — выжженной, серой, с редкими вкраплениями зелени, которая казалась неестественной, словно кто-то разбросал по пустыне клочья зелёной бумаги.

Каин сидел напротив, откинувшись на сиденье, и зашивал рану на предплечье. Игла входила в кожу с сухим, чавкающим звуком, и Каин даже не морщился. Он делал это привычно, автоматически, как затягивают ремень или проверяют оружие. На рукаве его комбинезона темнело пятно — не его кровь. Чья-то чужая, уже засохшая и потрескавшаяся.

Элиан смотрел на него и пытался понять, кто этот человек. Час назад он убил отца и мать — или позволил их убить. Теперь он сидел и шил свою рану, и в глазах его не было ни сожаления, ни боли. Только усталость. Глубокая, как колодец без дна.

— Ты хочешь спросить, почему я это сделал, — сказал Каин, не поднимая глаз. Голос его был низким, хриплым, с металлической ноткой, будто он говорил через фильтр ста-

рого динамика.

Элиан молчал.

— Почему я убил своих. Почему спас тебя. Почему не дал им забрать тебя в Центр Переработки. Ты хочешь знать.

— Да, — выдавил из себя Элиан. Голос сел, горло саднило, но он говорил твёрдо.

Каин закончил зашивать рану, откусил нить зубами и спрятал иглу в небольшой чехол на поясе. Потом поднял глаза — один серый, второй, с повреждённым зрачком, почти белый, слезящийся на свету. Этот взгляд был тяжелее любого оружия.

— Твой отец был мне другом, — сказал Каин. — Мы жили вместе. До того, как он ушёл. До того, как понял, что нельзя оставаться в системе, если хочешь быть человеком. Он выбрал свободу. Я выбрал долг. Но долг — это такая штука... — он усмехнулся, и улыбка его была кривой, рваной. — Долг иногда заставляет делать то, что ты ненавидишь. Сегодня я выполнил свой долг. И нарушил его. Так что теперь я вне закона. И ты со мной.

Гравилёт качнуло, и внизу показались первые строения Города. Они вырастали из пустыни, как кристаллы, неправильные, острые, отражающие солнечный свет тысячами граней. Здания были сделаны из стекла и металла, но металл этот казался живым — он пульсировал, переливался оттенками синего и фиолетового, и на его поверхности время от времени пробегали голографические изображения: лица,

цифры, рекламные слоганы.

Элиан прижался носом к стеклу, забыв о страхе. Он никогда не видел такого. Убежище-9 было зелёным, земляным, пахнущим мокрой корой и дымом. А этот Город был холодным, стерильным, и пах он не землёй, а озоном и химикатами, от которых першило в горле.

— Это Нуа-Сити, — сказал Каин. — Столица. Центр всего. Здесь живут те, кто решает, кому умирать, а кому жить. Но не думай, что здесь есть счастье. Счастье — это когда есть выбор. У этих людей выбора нет. Есть только срок.

— Срок? — переспросил Элиан.

— Да. Тридцать пять лет. После этого — эвтаназия. Добровольная. Красивая. Они сами идут на это, потому что им внушили, что старость — это уродство. А они хотят быть красивыми. Все хотят быть красивыми. Даже когда умирают.

Каин отвернулся к иллюминатору. На лице его отразилась тень, и в этой тени Элиан увидел что-то, чего раньше не замечал. Боль. Не физическую — другую, ту, что живёт глубоко внутри и не заживает никогда.

Гравилёт начал снижаться. Внизу открывалась посадочная площадка — круглая, белая, окружённая низкими зданиями, похожими на грибы. На площадке стояли другие гравилёты, такие же серебристые и гладкие, как и тот, в котором они летели. Люди в одинаковых комбинезонах сновали между ними, не глядя друг на друга, каждый был занят своим экраном, который держал перед глазами, как щит.

— Одевайся, — сказал Каин, бросая Элиану свёрток. — Это не одежда, это маскировка. Если кто-то спросит, ты мой племянник из северных территорий. Имя — Элиан, возраст — шесть. Никаких отклонений. Никаких вопросов. Всё понятно?

Элиан кивнул и начал натягивать комбинезон. Ткань была гладкой, скользкой, неприятно холодной на коже. Он никогда не носил ничего подобного — только грубую домотканину и старые отцовские рубашки, перешитые на его рост.

— Не смотри на них, — сказал Каин, когда дверь гравилёта открылась и в кабину ворвался свежий, холодный воздух. — Смотри под ноги. И не улыбайся. Здесь не улыбаются. Здесь только показывают зубы, когда хотят продать что-нибудь.

Они вышли на платформу. Вокруг кипела жизнь — но какая-то странная, механическая, лишённая звука. Люди говорили шёпотом или молчали, и слова были не нужны, потому что все их мысли и желания отображались на дисплеях, которые они носили на запястьях. Элиан украдкой взглянул на одного из прохожих — женщину в длинном серебристом платье, с идеально уложенными волосами и лицом, лишённым морщин. На шее её висел бейдж — тонкий металлический прямоугольник с числом "28". Женщина шла, улыбаясь, но глаза её были пустыми, как у куклы.

— Это их срок? — шёпотом спросил Элиан.

— Да. Каждый носит его с рождения. Сначала это просто

цифра. Потом — приговор. Они даже не пытаются бороться. Они принимают его, как принимают дождь или ветер. Им так удобнее. Не думать.

Каин шёл быстро, лавируя между прохожими, и Элиан едва поспевал за ним, цепляясь за край его комбинезона. Город давил на него. Стены домов были слишком гладкими, слишком отражающими, и в каждом отражении мелькали лица — чужие, одинаковые, с одними и теми же пустыми глазами. Элиану казалось, что он попал в мир, где живут не люди, а их копии, сделанные из пластика и стекла.

— Куда мы идём? — спросил он, запыхавшись.

— В безопасное место. Ко мне домой. Там ты будешь жить, пока не вырастешь. А потом я научу тебя воевать. Потому что ты, Элиан, будешь тем, кто разрушит это всё. Ты это понимаешь?

Элиан поднял голову. Солнце отражалось от стен Города и слепило глаза, но он смотрел прямо на Каина, стараясь не моргать.

— Я не хочу разрушать, — сказал он. — Я хочу, чтобы всё было как раньше. Чтобы мама пекла хлеб.

Каин остановился. Повернулся к нему, присел на корточки и взял за плечи. Пальцы его были жёсткими, с мозолями, которые оставляло оружие. Он смотрел на Элиана так, будто видел в нём что-то, чего не видели другие.

— Твоя мама больше не испечёт хлеб, — сказал он тихо. — И твой отец не будет смотреть на муравьёв. Они умерли за

то, чтобы ты жил. И если ты не сделаешь ничего — их смерть будет напрасной. Ты хочешь, чтобы она была напрасной?

Элиан покачал головой.

— Тогда учись. Смотри. Слушай. И когда придёт время — ты вспомнишь этот день. Вспомнишь, как пахла кровь и как пахнет твой страх. И ты превратишь его в оружие.

Каин поднялся и пошёл дальше, не оборачиваясь. Элиан побежал за ним, и шум Города заполнил его уши — гул машин, шелест шагов, отдалённые голоса, которые пели что-то сладкое, усыпляющее.

— Оставайся красивым, — пел голос из динамика на углу. — Оставайся молодым. Живи ярко, умирай красиво. Это твой выбор.

Элиан сжал зубы. Этот голос был приятным, мягким, но в нём слышалась ложь — такая же сладкая и тягучая, как патока, которую мать иногда добавляла в пироги.

Они вошли в подъезд высокого здания, которое ничем не отличалось от сотен других. Внутри было пусто, только стены, покрытые голографическими панелями, на которых мелькали лица людей, улыбающихся перед смертью. Каин приложил ладонь к сканеру, и дверь бесшумно открылась, пропуская их в небольшую комнату без окон.

— Добро пожаловать, — сказал Каин, закрывая дверь. — Это твой новый дом. Пока он выглядит как тюрьма. Но скоро ты увидишь его по-другому. Здесь мы будем тренироваться. Здесь ты станешь тем, кем должен стать.

Элиан огляделся. Комната была пустой, голой, только голографические тренажёры на стенах и мат для спаррингов в углу. В воздухе витал запах пластика и пота. Никаких цветов, никакой зелени, никакой мяты.

— А где кровать? — спросил Элиан.

— Кровать — это роскошь, — усмехнулся Каин. — Мы спим на полу. Так учит выживанию. Ты научишься засыпать в любой позе, в любом месте, в любых условиях. И просыпаться по первому звуку.

Элиан сел на пол, поджав ноги. Стены давили на него, и воздух казался чужим, неестественным. Он закрыл глаза и попытался вспомнить запах сада — мокрой земли, яблок, шиповника. Но запах не приходил. Оставался только озон и пластик.

— Зачем тебе это? — спросил он, не открывая глаз. — Зачем тебе растить меня, если ты мог просто убить?

Каин сел напротив, скрестив ноги по-турецки. Шрамы на его лице блестели в тусклом свете голо панелей.

— Потому что я тоже был мальчиком, — сказал он. — И у меня тоже были родители. И я тоже смотрел, как их убивают. Только тогда я ничего не сделал. Я испугался. И теперь я живу с этим страхом. С этим стыдом. Я хочу, чтобы ты не повторил моей ошибки.

Элиан открыл глаза. В янтарной глубине его зрачков зазглась искра, которую Каин заметил сразу.

— Я не испугаюсь, — сказал Элиан тихо, но твёрдо.

— Знаю, — ответил Каин, вставая. — Я видел тебя там. В доме. Когда ты лежал в подполе и не плакал. Ты уже воин, Элиан. Ты просто ещё не знаешь об этом.

Каин подошёл к стене, провёл рукой по голографической панели, и она засветилась изображением тренировочной площадки.

— Завтра начнём, — сказал он. — А сегодня — спи. Ты устал. И запомни: в этом Городе нет теней. Потому что свет здесь падает со всех сторон. Но в каждой тени прячется правда. И твоя задача — найти её.

Элиан лёг на холодный пол, положив голову на руки. Снаружи доносился гул Города — монотонный, давящий. Но за этим гулом он пытался услышать другой звук. Шёпот ветра в яблонях. Пение птиц. Голос матери, которая зовёт его завтракать.

Ничего не было. Только гул. И тишина внутри.

Он закрыл глаза и провалился в сон, где по-прежнему пахло хлебом и мятой, а по руке полз чёрный жук с бронзовой спинкой, таща за собой тонкую веточку.

Но когда Элиан проснулся утром, запаха уже не было. Была только комната без окон, запах пластика и взгляд Каина, который смотрел на него, как смотрят на будущее оружие.

Глава 3. Уроки плоти

Голографический экран погас, и в комнате повисла тишина, какая бывает только в стерильных помещениях, где нет

ни пыли, ни движения воздуха, ни единого живого звука. Элиан сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на пустую стену, перед которой только что разворачивалась цветная симфония потребительского рая.

Урок назывался «Искусство выбора». Три часа голографической пропаганды, вживлённой в сознание через мерцающие образы. Три часа Элиан смотрел, как дети его возраста в идеально белых комнатах выбирают одежду по цветотипу, учатся различать оттенки помады и правильно подбирать аксессуары к вечернему платью. Три часа он слышал голоса — сладкие, как сироп, которые объясняли, что главное в жизни — это стиль, что образование устарело, а наука — это скучно и некрасиво.

— Запомнил? — спросил Каин, входя в комнату. На плече его висел старый плазменный карабин, и он чистил его, как делал всегда после тренировки — тщательно, медленно, почти любовно.

— Запомнил, — ответил Элиан. Голос звучал ровно, но внутри всё кипело. — Они учат их не думать.

— Именно. Они учат их выбирать, чтобы отбить желание создавать. Умный человек — опасный человек. Умный человек задаёт вопросы. А вопросы приводят к сомнениям. А сомнения — к бунту. Поэтому они делают их красивыми и пустыми. Пустой сосуд легче наполнить тем, что нужно.

Элиан поднял голову. За три дня, проведённых в этой бетонной коробке без окон, он изменился. Пропала детская

мягкость в чертах лица, появилась жёсткость, которую не замечаешь, пока не посмотришь в глаза. Янтарные зрачки смотрели на мир теперь по-другому — не с любопытством, а с настороженностью охотника, который учится читать следы.

— Я не хочу быть красивым и пустым, — сказал он.

— Поэтому ты будешь учиться другому. Встань.

Элиан встал. Каин отложил карабин, снял с пояса две короткие дубинки — чёрные, с металлическими набалдашниками на концах. Одну бросил Элиану. Та упала на пол с глухим стуком, отскочила и замерла у ног мальчика.

— Возьми. Покажи, что умеешь.

Элиан поднял дубинку. Она была тяжёлой, с непривычной — взрослой тяжестью, которая давила на кисть. Он сжал пальцы, но рука дрогнула, и дубинка выскользнула, ударив его по колену. Боль была острой, но он не вскрикнул. Только стиснул зубы.

— Слабовато, — сказал Каин, качая головой. — Ты должен чувствовать оружие, как продолжение руки. Когда оно становится частью тебя, ты перестаёшь думать о том, как им бить. Ты просто бьёшь.

— Я не могу. Слишком тяжело.

— Потому что ты пытаешься поднять её рукой. Ты должен поднимать её всем телом. Плечи, спина, ноги. Весь ты — одно оружие. Попробуй снова.

Элиан нагнулся, поднял дубинку, но на этот раз напряг спину, упёрся ногами в пол. Дубинка приподнялась на

несколько сантиметров, и он удержал её, чувствуя, как дрожит от напряжения.

— Держи, — сказал Каин. — Теперь ударь меня.

— Но...

— Ударь. Быстро. Без раздумий.

Элиан размахнулся и, собрав все силы, ударил Каина по руке. Дубинка встретилась с предплечьем, но вместо того, чтобы нанести урон, отскочила, словно ударилась о камень. Каин даже не шевельнулся. Только улыбнулся кривой улыбкой.

— Ты не бьёшь. Ты просто дотрагиваешься. Бой — это воля. Ты должен хотеть ударить. Не проверять. Хотеть. Ты понимаешь разницу?

Элиан опустил дубинку. Пот выступил на лбу, ладони горели, но он не чувствовал боли. Только злость. Глухую, горячую злость, которая копилась в груди с того дня, как он увидел кровь на вышитом переднике матери.

— Я понимаю, — сказал он. — Ещё раз.

Каин усмехнулся и поднял вторую дубинку.

— Ещё раз. Только теперь я буду защищаться. Твоя задача — пробить мою защиту. Три удара. Если хоть один достигнет цели — ты выиграл.

Элиан размахнулся. Первый удар ушёл в пустоту — Каин отклонился, даже не пошевелив ногами. Второй Элиан нанёс снизу, пытаясь задеть колено, но Каин перехватил его дубинку своей, и оружие вылетело из рук мальчика, упав в угол. Третий удар Элиан нанёс головой. Просто шагнул вперёд и

ударил лбом в солнечное сплетение Каина.

Каин охнул — не от боли, от неожиданности. Отступил на шаг, потирая грудь.

— Хорошо, — сказал он, и в голосе его впервые послышалось уважение. — Грязно, но хорошо. Ты не думал — ты действовал. Это и есть бой.

Элиан стоял, переводя дыхание. Лоб горел, в голове шумело, но он улыбнулся. Первая улыбка за три дня. Кривая, но живая.

— Ещё раз, — сказал он. — Я хочу научиться бить настоящего.

Каин посмотрел на него, и в глазах его промелькнуло что-то, похожее на гордость.

— Ты научишься, — сказал он. — Но не сегодня. Сегодня ты должен увидеть, что такое Город. Не изнутри, а снаружи. Одевайся. Мы выходим.

— Куда?

— Туда, где правда. Туда, где никто не хочет смотреть. На Остров.

Элиан замер. Он слышал об Острове от отца, но только в шёпоте, когда стены могли услышать. Говорили, что там живут те, кому больше тридцати пяти. Те, кто отказался умирать. Те, кто не вписался в идеальный мир.

— А разве он существует? — спросил Элиан.

— Существует. Только не так, как ты думаешь. Это не рай. Это лаборатория. И мы должны увидеть её своими глазами.

Каин накинул на плечи чёрный плащ, под которым угадывались очертания оружия, и протянул Элиану такой же, только меньшего размера.

— Выходим через служебный выход. Держись рядом. Не говори ни слова. И если увидишь солдат с голографическими метками на шлемах — отворачивайся. Они сканируют лица.

Они вышли в коридор. Стены были серыми, безликими, с металлическими дверями через каждые десять шагов. За дверями слышались голоса — ровные, безэмоциональные, которые повторяли одни и те же слова: «Улыбнитесь, вы красивы», «Купите это, вы достойны», «Завтра будет лучше, если вы умрёте сегодня».

Элиан шёл за Каином, стараясь не смотреть на двери. Но один из голосов привлёк его внимание — женский, с надрывом, который не вписывался в механические интонации.

— ...я не хочу умирать. Мне только тридцать четыре. Я не хочу...

Голос оборвался. Наступила тишина, а потом — звук, похожий на шипение газа. Элиан остановился.

— Не обращай внимания, — сказал Каин. — Это процедура. Ежедневная. Они всех проверяют на готовность к завершению.

— Она не была готова.

— Никто не готов. Но они заставляют себя быть готовыми. Иначе — изгнание. А изгнание хуже смерти. Поверь мне.

Они прошли через несколько переходов, пока не оказа-

лись у небольшой герметичной двери. Каин приложил ладонь к сканеру, и дверь открылась, выпуская их на улицу.

Город предстал перед Элианом во всей своей холодной красе. Вертикальные стены, покрытые голографической рекламой, взмывали ввысь, настолько высоко, что не было видно неба. Вместо неба — сверкающий купол, искусственный, фильтрующий солнечный свет до бледно-голубого оттенка. В этом свете люди выглядели призраками, бестелесными тенями, которые скользили по улицам, не касаясь друг друга.

— Идём, — сказал Каин и свернул в узкий проулок между двумя гигантскими зданиями.

Проулок был тёмным, воняло мокрым пластиком и чем-то сладковатым, похожим на гнилые фрукты. Элиан прижался к стене и пошёл следом, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Они вышли к обрыву. Точнее, к краю платформы, на которой стоял Город. Внизу простиралась водная гладь — океан, серый и холодный, с мелкими белыми барашками волн. А вдалеке, километрах в десяти, виднелся остров. Маленький, зелёный, с белыми зданиями, похожими на храмы.

— Это Остров? — спросил Элиан.

— Да. Там живут старики. Их около тысячи. Учёные, философы, те, кто помнит, как строить, а не покупать. Они думают, что они в безопасности. Что они особенные. Но они ошибаются.

— Почему?

— Потому что их не прячут, — сказал Каин, глядя вдаль.
— Их используют. Каждую неделю с Острова привозят новые материалы. Биологические материалы. Органы, ткани, клетки. Они не знают, что их разбирают на запчасти, чтобы молодые и красивые жили ещё дольше. Они думают, что это рай. А это — ферма.

Элиан смотрел на Остров, и в груди его поднималась волна холода. Он вспомнил рассказы отца о том, что стариков отправляют в рай, где они живут в покое и радости. Всё это было ложью. Как и всё остальное в этом Городе.

— Мы должны спасти их, — сказал он.

Каин покачал головой.

— Мы не можем. Пока мы не сильны. Пока у нас нет армии. Пока мы — только двое. Но когда ты вырастешь, Элиан, ты сможешь сделать то, что не могу я. Ты разрушишь эту систему. Ты освободишь их.

— А ты?

— Я буду рядом. Но я стар. Я уже не тот, кем был. Мой срок близится к концу, и даже я не могу избежать... — он осекся, прикусил губу. — Я сделаю всё, чтобы ты стал сильным. А ты запомни этот день. Запомни, как выглядит Остров. Потому что однажды ты поплывёшь туда. И ты принесёшь им свободу или смерть.

Элиан стоял на краю платформы, и ветер трепал его светлые волосы. Вода внизу казалась бездонной, тёмной, скрывающей тайны, о которых никто не говорит вслух.

— Я запомню, — сказал он.

На обратном пути Каин купил еду у уличного автомата — две пластиковые банки с серой массой, пахнущей химией. Элиан проглотил её, не чувствуя вкуса. В голове всё ещё стоял образ Острова — белые храмы, зелёная трава, и тени, которые ходят по этим храмам, не зная, что они уже мертвы.

Ночью Элиан лежал на полу и смотрел в потолок. Голографические панели были выключены, и комната казалась огромным бетонным гробом. Он закрыл глаза и снова попытался вспомнить запах сада. На этот раз получилось — мелькнул слабый аромат мяты, смешанной с пылью.

— Мама, — прошептал он, но губы дрогнули, и звук застрял в горле.

Завтра будет новый день. Новые уроки. Новая боль. Элиан знал, что не сдастся. Он будет бить, пока не научится. Он будет помнить, пока не воскреснет.

Но сегодня, в тишине бетонного гроба, он позволил себе маленькую слабость. Он заплакал. Беззвучно, чтобы Каин не услышал. Слёзы текли по щекам, падали на холодный пол, и Элиан не вытирал их. Он дал им свободу — в последний раз в своей жизни.

Утром он проснётся другим. Утром он начнёт учиться убивать.

Но сегодня он был ребёнком, который потерял всё. И это горе было его первым настоящим оружием.

Глава 4. Зеркало правительства

Голографический экран зажужжал, разгораясь из тускло-серого в пронзительно-белый, и на стене комнаты без окон проявилось лицо. Крупное, с безупречными чертами, с кожей, отполированной до неестественного сияния, с глазами такими ярко-голубыми, что в них можно было смотреться, как в два маленьких зеркала. Губы двигались, произнося слова, но Элиан не сразу услышал их — он рассматривал это лицо, пытаясь найти в нём хоть что-то живое. Ничего не было. Только совершенство. Только пустота.

— Граждане Нуа-Сити, — вещал голос, мягкий и вкрадчивый, как шёлк, касающийся кожи. — Сегодня мы поговорим о главном выборе в жизни каждого из вас. О выборе времени. О том, когда сказать «достаточно».

Элиан сидел на полу, поджав ноги, и смотрел на экран. Каин стоял позади него, прислонившись плечом к стене, и тоже смотрел. В левой руке он держал старую початую бутылку с мутной жидкостью, но не пил — просто держал, будто это был талисман.

На экране появились кадры. Молодые люди улыбались, стоя на фоне заката. В руках у них были красивые бокалы, наполненные чем-то золотистым и шипящим. Они поднимали их, чокались, и каждый смотрел на камеру с выражением полного и абсолютного счастья. А потом кадр сменялся. Те же люди, но старше. Морщины появлялись на их лицах, серые и некрасивые, и молодость уходила, как вода сквозь

пальцы.

— Мы дарим вам красоту, — говорил голос. — Мы дарим вам вечную молодость. Но чтобы сохранить её, вы должны сделать выбор. Добровольно. Осознанно. С любовью к себе.

Элиан сжал кулаки. Ногти впились в ладони, но он не почувствовал боли. Он смотрел на экран и видел, как люди — такие же, как он, только старше — стояли в шеренгу перед белой дверью. Они улыбались, когда их приглашали войти. Они улыбались, когда дверь закрывалась за ними. И они больше не выходили.

— Это эвтаназия, — сказал Каин без эмоций. — Они называют это «Завершением». Красивое слово для смерти.

— Они же улыбаются, — прошептал Элиан.

— Потому что их учили улыбаться. С рождения. Улыбка — это маска. Под ней никто не видит страха. Улыбнись достаточно долго, и ты забудешь, что боялся.

Элиан отвернулся от экрана. Голос продолжал вещать, рассказывая о новых ароматах духов, о коллекциях одежды, о том, как правильно выбрать цвет помады для первой встречи и какую музыку слушать перед «Завершением», чтобы чувствовать себя спокойно.

— Выключи, — сказал Элиан. — Пожалуйста.

Каин махнул рукой, и экран погас. В комнате стало тихо — только снаружи доносился приглушённый гул Города, похожий на дыхание огромного спящего зверя.

— Ты не должен этого бояться, — сказал Каин, подходя

ближе и садясь на корточки перед Элианом. — Ты должен это ненавидеть. Бояться — значит признавать их власть. А ненавидеть — значит готовиться к борьбе.

— Я не боюсь, — ответил Элиан, поднимая голову. В глазах его горела искра — та самая, которую Каин заметил в первый день. — Я злюсь. Они заставляют людей умирать улыбаясь. Это неправильно.

— Знаю. Но пока мы не можем ничего изменить. Нам нужно оружие. И не только то, что стреляет. Нам нужны люди. Нам нужны знания. И нам нужен план.

— У тебя есть план?

Каин усмехнулся и отпил из бутылки, наконец, сделав глоток. Жидкость была тёмной, пахла травами и чем-то горьким, отдалённо напоминающим лекарство.

— План есть. Но сначала ты должен кое-что увидеть. То, что прячут за стенами. То, что называется Правдой.

Он встал, подошёл к стене и провёл ладонью по голографической панели. Стена раздвинулась, открывая проход в узкий коридор, которого Элиан раньше не замечал. Коридор вёл вниз, в темноту, освещённую лишь редкими, тусклыми лампами.

— Идём, — сказал Каин. — Ты должен это запомнить.

Элиан пошёл за ним, ступая осторожно, чувствуя, как бетонные ступени скользят под ногами. В коридоре пахло сыростью и металлом, и этот запах был почти родным — он напоминал о подполе, где Элиан прятался в тот страшный день.

Они спустились на несколько этажей и остановились перед массивной стальной дверью с ржавыми петлями. Каин вытащил из кармана старый ключ, который, казалось, существовал ещё до того, как Город построили, и вставил его в замочную скважину. Замок щёлкнул, и дверь открылась, пропуская их в огромное, тёмное помещение.

Элиан шагнул внутрь и замер. Помещение было заполнено стеллажами, на которых лежали тысячи, десятки тысяч книг. Старых, с потрескавшимися корешками, с пожелтевшими страницами, с запахом бумаги и времени. Книги стояли ровными рядами, как солдаты, готовые к битве. Там были тома по физике, математике, философии, истории — всё то, чему больше не учили в Городе.

— Что это? — шёпотом спросил Элиан, протягивая руку и касаясь корешка ближайшей книги. Кожа на его пальцах ощутила холодную гладкость переплёта.

— Это всё, что осталось от мира, — сказал Каин. — До того, как его переписали. До того, как правду заменили красивыми картинками. Здесь — знание. Настоящее знание. Там, — он махнул рукой в сторону потолка, — учат выбирать помаду. А здесь учат думать. Понимаешь разницу?

Элиан медленно пошёл вдоль стеллажей, водя пальцами по корешкам, читая названия. «Физика. Том 1», «Квантовая механика», «История человечества», «Философия нового времени». Он не понимал большинства слов, но чувствовал их важность. Они были тяжёлыми, как камни, и в то же

время лёгкими, как воздух.

— Я хочу прочитать их все, — сказал он.

— Прочитаешь, — ответил Каин. — Но не все сразу. Ты будешь читать по одной книге в неделю. И запоминать. Наизусть. Потому что у нас нет времени на повторение. Ты должен усвоить знания, как губка впитывает воду.

— А зачем мне это? Если я хочу только воевать?

Каин подошёл к нему, положил руку на плечо. Ладонь была тяжёлой, тёплой.

— Потому что война без ума — это просто резня. Если ты хочешь изменить мир, ты должен знать, как он работает. Как работает материя. Как работают люди. Как работают их слабости. Знание — это самое мощное оружие. Сильнее любой плазмы.

Элиан остановился у одной из полок и вытащил книгу. Обложка была тёмно-синей, с вытисненными золотыми буквами: «О природе вещей». Он открыл её, и запах бумаги ударил в нос, вызывая странное ощущение — словно он вернулся в прошлое, к отцу, который читал ему вслух по вечерам.

— Эту я возьму, — сказал он.

Каин кивнул.

— Хороший выбор. Автор говорил о том, что мир состоит из атомов. И что между ними есть пустота. Это важно понять. Потому что между людьми тоже есть пустота. И те, кто умеет заполнять её правильно, правят миром.

Они вышли из книгохранилища, и дверь за ними закры-

лась, пряча сокровища от чужих глаз. Элиан прижимал к груди тёмно-синюю книгу и чувствовал, как её тяжесть согревает ладони.

На обратном пути в подземелье они прошли мимо комнаты, из которой доносился странный звук — не похожий на гул Города. Это было пение. Старое, заунывное, с перебивками, которые нельзя было воспроизвести синтезатором. Голос был женским, глубоким, с хрипотцой, как у человека, который провёл много лет в одиночестве.

Элиан остановился.

— Кто это?

Каин помедлил, потом открыл дверь. За ней оказалась маленькая комната, вся заваленная бумагами. За столом сидела женщина — седая, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, но глаза её были молодыми, живыми, как у птицы. Она не обернулась, продолжая петь.

— Это Лира, — сказал Каин. — Единственный настоящий историк в Городе. Ей семьдесят два года. Она должна была умереть в тридцать пять, но она сбежала. Теперь она живёт здесь, в подвале, и пишет книгу. Книгу, которую никто никогда не прочитает.

Элиан подошёл ближе. Женщина не обернулась, но её рука остановилась, касаясь пера, и она замерла, прислушиваясь.

— Кто пришёл? — спросила она, не оборачиваясь.

— Мальчик, — ответил Каин. — Тот, о котором я гово-

рил.

Женщина наконец повернулась. Глаза её, бледно-зелёные, с жёлтыми крапинками вокруг зрачков, впились в Элиана, как ножи.

— Ты тот самый, — сказала она. — Рождённый. Настоящий.

— Да, — ответил Элиан, не зная, что ещё сказать.

— Ты не должен был родиться. Ты — ошибка природы. И это делает тебя самым опасным человеком в мире. Иди сюда. Я покажу тебе что-то.

Она протянула руку и взяла Элиана за запястье, притянув к столу. На столе лежали листы бумаги, исписанные мелким, почти нечитаемым почерком. Лира указала пальцем на один из них.

— Ты знаешь, что такое Великий Договор?

— Нет.

— Это документ, подписанный двести лет назад. В нём говорится, что человечество добровольно отказывается от естественного размножения. Что с этого момента все дети рождаются в протекторах. Что наука уступает место потреблению. Что старость объявляется вне закона. И все согласились. По доброй воле. Под гипнозом. Или от страха. Теперь никто не помнит, как было раньше. Но я помню.

Элиан не понимал всех слов, но чувствовал, что они важные. Как кирпичи, из которых строят стены.

— Ты можешь это доказать? — спросил он.

— Я могу показать тебе это. Но ты должен обещать, что никому не скажешь. Никому. Потому что, если они узнают, что у меня есть доказательства — меня убьют. И тебя тоже.

— Обещаю.

Лира улыбнулась, и улыбка её была древней, как скалы. Она достала из-под стола старый металлический ящик, открыла его, и внутри блеснул тусклый золотистый свет.

— Смотри, — сказала она. — Смотри и запоминай.

Элиан наклонился, заглянул в ящик, и увидел то, что изменит его навсегда.

Глава 5. Предательство за пайки

В ящике лежала голограмма. Не та, что транслировалась на городских экранах — яркая, цветная, с улыбающимися лицами и сладкими голосами. Эта голограмма была старой, потрескавшейся, с помехами, которые белыми нитями пересекали изображение, как паутина. Но сквозь эти помехи проступало лицо — мужское, с глубокими глазами и седой бородой, какой Элиан никогда не видел в Городе. Здесь никто не носил бород. Здесь все были гладкими, как стекло.

— Это запись последнего заседания Совета Старых Миров, — сказала Лира, и голос её дрогнул. — До того, как всё изменилось. Смотри.

Голограмма ожила. Мужчина с бородой говорил, и слова его были тяжёлыми, как камни, которые бросают в воду.

— ...мы не можем продолжать в том же духе. Рождаемость

падает. Ресурсы истощаются. Но самое страшное — люди перестают думать. Им не нужны знания. Им нужны игрушки. Мы теряем контроль над собственной природой.

Другой голос, женский, холодный, ответил ему:

— Тогда мы дадим им игрушки. Мы дадим им всё, что они хотят. Еду. Одежду. Развлечения. И взамен они отдадут нам свои жизни. Срок. Мы установим срок. Тридцать пять лет. Достаточно, чтобы наслаждаться, но недостаточно, чтобы стареть.

— Это геноцид, — сказал первый голос.

— Это спасение. Если мы не сделаем этого — они уничтожат себя сами. Мы просто дадим им красивую смерть. И они будут благодарны.

Голограмма моргнула и погасла. Элиан стоял, не дыша, глядя на пустой ящик, в котором только что разворачивалась история, изменившая мир.

— Они решили это, — прошептал он. — Они решили, что люди должны умирать.

— Да, — ответила Лира. — И они называли это Красотой. Они убедили всех, что стареть — стыдно. Что быть старым — значит быть уродливым. И люди поверили. Потому что им было страшно. Страшно думать. Страшно бороться. Страшно жить.

Элиан поднял голову. Глаза его горели, как янтарь на солнце.

— Но мы не поверили, — сказал он. — Мои родители не

поверили.

— Поэтому они мертвы, — тихо сказала Лира. — Поэтому ты здесь. Ты — напоминание о том, что было. И о том, что может быть.

Каин стоял в дверях, скрестив руки на груди, и молчал. На лице его не было эмоций, но Элиан заметил, как напряглись плечи, как побелели костяшки пальцев.

— Ещё кое-что, — сказала Лира, закрывая ящик и пряча его под стол. — Твои соседи. Те, кто живёт в Убежище-9. Они знали о тебе. Знали, что ты рождён естественным путём. И они молчали.

— Они боялись, — сказал Элиан.

— Нет, — покачала головой Лира. — Они не боялись. Они ждали. Ждали, когда смогут получить награду. Правительство объявило, что за информацию о любом естественно рождённом ребёнке дают сто продовольственных пайков. На целый год. Твои соседи ждали, когда награда станет достаточно большой.

Элиан отшатнулся, будто его ударили. Слова Лир впились в грудь, как раскалённые иглы. Он вспомнил дядю Смолда, его красный нос и маленькие глазки-бусинки. Он вспомнил, как тот пил чай на их кухне, улыбался, хвалил мамин хлеб, а сам думал о пайках.

— Это неправда, — сказал он, но голос его дрожал.

— Правда, — сказал Каин, наконец, подавая голос. — Я видел донесение. Соседи отправили сигнал за три дня до об-

лавы. Они получили пайки. Полный годовой запас. Сейчас они живут в Городе, в новом доме, и их дети ходят в школы, где учат выбирать одежду.

Элиан сел на пол, чувствуя, как ноги подкашиваются. Он не мог дышать. Воздух в комнате стал плотным, как смола, и каждый вздох давался с трудом.

— Они предали нас, — прошептал он. — За еду. За пайки.

— За выживание, — поправила Лира. — Не оправдывай их. Но пойми: в этом мире каждый выбирает свою цену. Для одних цена — это пайки. Для других — правда. Для третьих — месть. Ты должен выбрать свою цену. И не ошибиться.

Элиан поднял голову. На лице его больше не было детской мягкости. Оно застыло, как маска, вырезанная из камня.

— Я выбираю месть, — сказал он. — Но не им. Я отомщу тем, кто создал этот мир. Тем, кто заставил их предать. Соседи — просто шестерёнки. А я хочу сломать весь механизм.

Каин кивнул, и в глазах его мелькнула тень уважения.

— Тогда вставай, — сказал он. — У нас мало времени. Сегодня мы начнём учиться по-настоящему. Не только драться. Думать. Планировать. Видеть врага не только перед собой, но и за спиной.

Они покинули комнату Лир, и дверь за ними закрылась с мягким шипением. Элиан шёл по коридору, сжимая в руке тёмно-синюю книгу, и чувствовал, как каждое слово, сказанное сегодня, прорастает в нём, как семя, которому суждено превратиться в лес.

— Каин, — спросил он, когда они поднимались по лестнице. — Ты знал, что соседи предали нас? Ты знал, когда пришёл в деревню?

Каин остановился. Спина его была прямой, но плечи опустились, будто он нёс груз, который не сбросить.

— Знал, — ответил он, не оборачиваясь. — Я знал, кто отправил сигнал. И я всё равно пошёл. Потому что такова была моя работа. Я выполнял приказ.

— Но ты же говорил, что мой отец был твоим другом.

— Был. И я должен был его убить. Это цена, которую я плачу каждый день. Каждый раз, когда смотрю в зеркало.

Каин обернулся. В глазах его, в этом единственном здоровом глазу, Элиан увидел боль. Глубокую, старую, как шрамы на его лице.

— Я не прошу прощения, — сказал Каин. — Я не заслуживаю его. Но я хочу, чтобы ты знал: я не враг тебе. Я — тень, которая идёт за тобой. И когда настанет время — я исчезну, оставив тебя одного.

— Я не хочу оставаться один, — сказал Элиан.

— Ты будешь один. Это судьба воина. Ты можешь собрать армию, друзей, союзников. Но когда придёт час решающего удара — ты будешь один. И ты должен быть готов к этому.

Элиан ничего не ответил. Он просто пошёл дальше, поднимаясь по ступеням, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом.

Вернувшись в комнату, Элиан открыл книгу. Страницы

пахли пылью и временем. Он читал о движении планет, о строении материи, о законах, которым подчиняется вселенная, и постепенно мир вокруг него начал меняться. Он больше не видел только стены и бетон. Он видел атомы, из которых эти стены состояли, и пустоту между ними. Он видел слабости системы, которые можно использовать.

Ночью он не спал. Он сидел с книгой в руках, читал при свете тусклой лампы, и слова Локка, Декарта, Ньютона проникали в его сознание, как вода в сухую землю. Элиан учился думать. Не просто запоминать факты — а связывать их, видеть причину и следствие, понимать, как устроен этот мир изнутри.

На рассвете, когда лампы в комнате автоматически зажглись, имитируя восход солнца, Каин вошёл и увидел Элиана сидящим на полу с книгой.

— Ты не спал, — сказал он.

— Я учился, — ответил Элиан. — Я понял одну вещь.

— Какую?

Элиан поднял голову. В глазах его горела новая искра — не просто злость, а понимание.

— Система держится не на силе. Она держится на доверии. Люди верят, что тридцать пять — это предел. Они верят, что старость — это уродство. Они верят, что должны умереть красивыми. Если разрушить эту веру — система рухнет.

Каин улыбнулся. Впервые с тех пор, как Элиан увидел его.

— Ты прав, — сказал он. — И именно это мы будем делать. Мы будем сеять сомнения. Мы будем показывать правду. Мы будем разрушать их веру, кирпич за кирпичом.

— Когда мы начнём?

— Ты уже начал. — Каин кивнул на книгу. — Каждое прочитанное слово — это удар по системе. Продолжай. Сегодня мы будем учиться не только драться, но и говорить. Потому что слова могут быть сильнее оружия. Иногда.

Элиан закрыл книгу и встал. Тело его болело от бессонной ночи, но голова была ясной, как никогда.

— Я готов, — сказал он.

— Тогда пошли. Сегодня у нас будет особое занятие. Я научу тебя не только видеть врага, но и слышать его.

— Слышать?

— Да. Потому что враг говорит не только оружием. Он говорит словами. Лживыми, сладкими, красивыми. Твоя задача — научиться различать ложь. Чтобы не поверить ей, когда она придёт к тебе с улыбкой.

Они вышли в коридор, и Элиан шёл за Каином, чувствуя, как каждый шаг приближает его к чему-то неизбежному.

Где-то там, наверху, в Городе без теней, жили люди, которые поверили лжи. И Элиан знал, что однажды он придёт к ним и скажет правду. Или умрёт, пытаясь это сделать.

Но он не собирался умирать.

Не сегодня.

Глава 6. Карательный оркестр

Стены тренировочного зала были покрыты слоем мягкого пластика, который гасил удары, но не гасил звуки. Элиан уже второй час отрабатывал серию выпадов с коротким клинком, который Каин называл «пчела» — лёгкий, почти невесомый, но оставляющий на пластике глубокие, шипящие царапины. Пальцы давно онемели, и пот заливал глаза, но Элиан не останавливался. Боль стала привычной. Боль была лучшим учителем.

Каин стоял в углу, прислонившись плечом к стене, и молча наблюдал. Правый глаз, здоровый, следил за каждым движением. Левый, бельмом, слезящийся на ярком свете, казался мёртвым, но Элиан знал — Каин видит им даже больше, чем здоровым. Так говорила Лира, когда они сидели в её подвальной комнате, уставленной книгами.

— Хватит, — сказал Каин, когда Элиан сделал очередной выпад и чуть не поскользнулся на мокром от пота полу. — Теперь слушай. Я расскажу тебе, как я оказался в карательном отряде.

Элиан опустил клинок, тяжело дыша. В груди горело, но он не сел — знал, что Каин не любит слабости.

— Ты говорил, что служил с моим отцом, — сказал он, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Мы служили. Вместе. Когда мир только начал меняться, когда ещё были те, кто сопротивлялся. Мы были в одном подразделении. Нас называли «Чистильщики». Мы убирали

тех, кто не соглашался с новым порядком. Тех, кто хотел стареть. Тех, кто хотел рожать. Тех, кто не хотел умирать красиво.

Каин отошёл от стены, подошёл к небольшому столику в углу, налил себе воды из старого пластикового кувшина. Сделал глоток, не оборачиваясь.

— Я убил много людей, Элиан. Сотни. Может, тысячи. Я перестал считать после пятого года. А потом твой отец сказал мне одну вещь. Он сказал: «Каин, если ты продолжишь, тебе некуда будет вернуться. Ты станешь пустым, как они. Как те, кого ты убиваешь».

— И ты послушал его?

— Нет. Я сказал ему, что он слабый. Что он боится. Что он предатель. А потом он ушёл. Ушёл в Убежище-9. Нашёл женщину. Родил тебя. И я не искал его десять лет. Я думал, что он мёртв. Или что он счастлив. Но когда пришёл приказ найти и уничтожить естественно рождённого ребёнка, я узнал координаты. И понял, кто этот ребёнок.

Каин повернулся, и взгляд его был тяжёлым, как свинцовая плита.

— Я мог бы отдать приказ. Я мог бы оставить тебя там, в подполе. Но я вспомнил слова твоего отца. И я понял, что он был прав. Если я убью тебя — я стану пустым. Окончательно. Бесповоротно. И тогда я решил: я спасу тебя. Даже ценой своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.